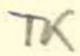
Е. А. Колтоновская.

Критическіе этюды.

С.-Петербургъ.
Типо-литографія Акц. О-ва „Самообразованіе“,
Забалканскій просп., д. № 75.
1912.

18 96
Т-во ПРОСВЪЩЕНІЕ

Оглавленіе.

Отъ автора.

Мои «Критическіе этюды» во многихъ отношеніяхъ тѣсно связаны съ первымъ моимъ сборникомъ: «Новая жизнь». Нѣкоторыя статьи, напр. «Писатель-интеллигентъ», только полнѣе и опредѣленнѣе говорятъ о тѣхъ, самыхъ цѣнныхъ и интересныхъ для меня, общественныхъ настроеніяхъ, которыя дали матеріалъ для «Новой жизни». Но въ «Критическіе этюды», кромѣ того, вошли разнообразныя статьи историко-литературнаго характера. Поэтому я не сочла себя вправѣ давать своему второму сборнику какое-либо объединяющее названіе. Надѣюсь, что читатель самъ уловитъ тѣ внутреннія нити, которыя связываютъ въ одно — разнородное содержаніе моей книжки.

Всѣ эти статьи уже были напечатаны въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ: въ «Рѣчи», «Вѣстн. Евр.», «Русск. Мысли», «Нов. Журн. для Всѣхъ», «Сиб. Вопр.», «Сибир. Жизни». Часть ихъ подверглась нѣкоторой переработкѣ, а часть — главнымъ образомъ тѣ, которыя помѣщены въ отдѣлѣ: «Литературный дневникъ» — воспроизведена безъ измѣненій.

Литература и „писатели изъ народа“.

Характерной чертой нынѣшней литературы является то, что она «демократизируется» — не въ серьезномъ, идейномъ смыслѣ этого слова, а въ обыденномъ, уличномъ.

На роль писателя претендуетъ читатель, прежде такой пассивный и безмолвный. Диллетантъ-обыватель постепенно вытѣсняетъ литератора-спеціалиста... Журналы заполнены всякими диллетантскими произведеніями — дневниками, воспоминаніями, повѣстями изъ личной жизни т. п. Писатели по призванію, по профессіи тонутъ среди нихъ, какъ капли въ морѣ. Странная полоса! Пишутъ всѣ... И нужно отдать справедливость, пишутъ недурно— «гладко», занимательно. Пишутъ въ обиліи, энергично стучатся въ литературу, требуютъ отъ писателей, чтобы тѣ помѣнялись съ ними ролями и занялись чтеніемъ ихъ творчества.

Литературѣ все это сырье совершенно не нужно: простой хламъ! Но какъ матеріалъ, какъ непосредственный голосъ жизни, обывательскія произведенія иногда бываютъ интересны.

Наиболѣе любопытно творчество людей «чернаго» труда — той среды, гдѣ ужасныя условія жизни угнетаютъ духовную энергію, не даютъ ей про-

явиться. Литература представляется имъ землей обѣтованной, способной вознаградить за всѣ пережитыя испытанія и лишенія. И они усиленно къ ней устремились, особенно послѣ общественнаго подъема 1905 г., всѣхъ расшевелившаго и отогрѣвшаго.

Въ промежуткахъ съ 1906 по 1910 г. Максимъ Горькій получилъ *429* рукописей отъ «писателей изъ народа», желающихъ утвердиться въ литературѣ. Онъ подробно анализируетъ ихъ въ интересной статьѣ: «О писателяхъ-самоучкахъ» [1].

«Въ огромномъ большинствѣ эти рукописи написаны малограмотно, онѣ никогда не будутъ напечатаны, но въ нихъ запечатлѣны живыя человѣчьи души, въ нихъ звучитъ непосредственный голосъ массы, онѣ даютъ возможность узнать, о чемъ думаетъ потревоженный русскій человѣкъ... Мнѣ кажется, что для васъ, читатель, небезынтересно и небезполезно послушать, о чемъ и какъ думаютъ нѣсколько сотъ душъ простыхъ людей, живущихъ гдѣ-то рядомъ съ вами...»

Какъ не интересоваться, даже съ точки зрѣнія чисто-литературной, этимъ небывалымъ наплывомъ новыхъ силъ, идущихъ изъ глубины жизни! Можетъ быть, онѣ несутъ съ собой тѣ свѣжіе, обновляющіе соки, въ которыхъ нуждается наша литература... Вопросъ только въ томъ, какъ и когда смогутъ они передать ей свое содержаніе?

Литература не должна знать никакихъ пристрастій и привилегій. Широкая, гуманная русская литература и не знаетъ ихъ. Ея двери широко распахнулись передъ Рѣшетниковымъ, передъ Кольцо-

---

[1] „Совр. Міръ“, 1911 г., № 2.

вымъ, еще недавно передъ Горькимъ, блестящая «карьера» котораго такъ изумляетъ методичныхъ иностранцевъ... Но двери раскрывались именно передъ писателями. Литература принимаетъ только то, что уже готово, что для нея годится. Часто ли даетъ такой матеріалъ творчество «писателей изъ народа»?

Передо мной сейчасъ своеобразный документъ, образчикъ этихъ произведеній. Это первый томъ сочиненій Михаила Сивачева: «Прокрустово ложе» (Записки литературнаго Макара), вещь написанная страстно и зло. Она производитъ тяжелое и притомъ двойственное впечатлѣніе.

Какъ разсказъ человѣка, «раздавленнаго» жизнью, изъ котораго « капиталъ» къ 24 годамъ высосалъ все, искалѣчилъ и выбросилъ вонъ, какъ ненужную, исполнившую свое назначеніе вещь, записки, конечно, трогаютъ, возбуждаютъ сочувствіе. Развертывающаяся въ нихъ картина — ужасна. Человѣкъ замученъ, изломанъ физически, но живъ духовно и страстно хочетъ жить, въ чемъ-нибудь выразить себя, найти себѣ мѣсто въ жизни. Понятна настойчивость его въ желаніи за что-нибудь зацѣпиться и выкарабкаться.

Но при чемъ же тутъ литература? Почему, когда въ больницѣ Сивачеву сказали: у насъ не богадѣльня, не пріютъ для хроническихъ больныхъ, онъ принялъ это какъ фактъ, а отъ литературы онъ требуетъ, чтобы она была такой всеобъемлющей богадѣльней? Никуда не гожусь, ничего не могу, всѣ пути заказаны, поэтому хочу быть писателемъ... Странная психологія!

Для того чтобы стать слесаремъ или точильщикомъ, Сивачеву пришлось пройти извѣстную «шко-

лу», выучку, довольно длинный и трудный путь отъ ученика и подмастерья къ спеціалисту, а для писательства, оказывается, ничего не нужно!

Желаніе писать было въ Сивачевѣ, по его словамъ, сначала робкимъ. Но вотъ ему попалась біографія Горькаго, хвалебныя статьи о немъ. Отъ этого у него голова закружилась, сразу выросли крылья. «Точно богъ надеждъ поселился въ избенкѣ моей . . . — вспоминаетъ онъ, — и впервые у меня появилась мысль, что образованіе для таланта необязательно . . . » Онъ еще нѣкоторое время колеблется, но успокаиваетъ себя характерною мыслью: «Что, собственно, я теряю, если у меня не окажется данныхъ?»

Да . . . «что, собственно, я теряю»! . . А какою бранью осыпаетъ этотъ невѣдомый и чуждый литературѣ пришлецъ всѣ редакціи, возвращающія ему рукописи, писателей, отказавшихся читать его произведенія!

Какія у этого Сивачева права на вниманіе къ нему и поддержку спеціально со стороны литературы и литераторовъ? Онъ обѣщаетъ намъ «собраніе своихъ сочиненій» . . Но ихъ пока никто не знаетъ, а знакомившіеся съ его творчествомъ были далеко не въ восторгѣ отъ него. Даже Горькій, передъ которымъ онъ преклоняется (впрочемъ, только въ началѣ «Записокъ», подъ конецъ Горькій тоже внушаетъ ему сомнѣніе) написалъ ему: «Изъ вашихъ разсказовъ я вынесъ впечатлѣніе, что вы будете писать, какъ пишутъ многіе, но ради этого поддерживать васъ не стоитъ.»

Ничего не написавши, кромѣ этихъ бранныхъ «Записокъ», Сивачевъ чувствуетъ себя, однако, писателемъ, сопоставляетъ себя съ Горькимъ, броса-

етъ литературѣ рѣзкій упрекъ за то, что она, гостепріимно принявшая Горькаго, игнорируетъ его, Сивачева.

«Поддержки» въ литературѣ г. Сивачевъ добивается весьма энергично, неутомимо ходитъ по редакціямъ и писателямъ — не проситъ, а требуетъ. Получая отпоръ, онъ разражается проклятіями, ругается, а иногда и чувствуетъ потребность прибѣгнуть къ «дѣйствію», заявляетъ, что не можетъ за себя въ этомъ отношеніи «ручаться» . . .

Энергія и настойчивость Сивачева изумительны, желаніе его во что бы то ни стало выбраться изъ трясины жизни — почтенно. Но, повторяю: при чемъ же тутъ литература? Почему литература должна быть дойной коровой, насыщающей всѣхъ?

Право яркой и сильной индивидуальности на жизнь постоянно отождествляется Сивачевымъ съ правомъ на литературу. Его нельзя отнести къ той небольшой группѣ горьковскихъ корреспондентовъ, которые стремятся къ литературѣ на простомъ логичномъ основаніи: «люблю писать» . . . Вѣрнѣе, его можно причислить къ тѣмъ, которые «смотрятъ на литературу, какъ на средство заработка» . . . Добиваясь отъ редакцій, чтобы для него «сдѣлали исключеніе» — просмотрѣли или напечатали слабое произведеніе — Сивачевъ всегда ссылается на свою крайнюю нужду, на болѣзнь, на «безвыходное положеніе». Какъ только судьба ему улыбнется, кто-нибудь пообѣщаетъ достать работу, или пристроить пьесу въ театрѣ, онъ тотчасъ предается радужнымъ мечтамъ объ обезпеченной жизни, о «двухъ съ половиною тысячахъ годового дохода». Изъ плановъ этихъ обыкновенно ничего не выхо-

дитъ, потому что путь къ литературнымъ лаврамъ не такъ-то легокъ . . .

Литературная цѣнность «Записокъ» невелика. Въ авторѣ чувствуется свѣжесть души, искренность, впечатлительность и нервный темпераментъ; *можетъ быть,* есть и талантъ — не берусь этого рѣшать. Но книга его — все-таки слабая книга, она безформенна и бѣдна творчествомъ. Это — книга ничего опредѣленнаго не обѣщающая.

Зато, какъ «документъ», книга Сивачева очень краснорѣчива. Она проникнута цѣльнымъ настроеніемъ, тѣмъ самымъ, которое отмѣчаетъ Горькій у всѣхъ корреспондентовъ. «Записки» поражаютъ силой своей ненависти, безудержной и стихійной, обращенной на всѣхъ представителей «чистой» жизни. Вражда къ нимъ въ Сивачевѣ такъ глубока и безмѣрна, какъ будто родилась вмѣстѣ съ нимъ. Литературныя безуспѣшныя скитанья еще болѣе разожгли ее. Всѣ толчки и обиды онъ воспринимаетъ особенно, какъ человѣкъ, пришедшій «снизу», предубѣжденный и озлобленный . . . Онъ убѣжденъ, что «для богатаго только тотъ человѣкъ, кто богатъ, а остальные — они достойны только презрѣнія, они не люди, а нѣчто такое, что необходимо терпѣть только потому, что безъ нихъ не обойдешься» . . .

«Богатаго» Сивачевъ видитъ и въ каждомъ интеллигентѣ, въ каждомъ писателѣ, съ которымъ его сталкиваетъ судьба. Онъ даже совѣтуетъ своимъ коллегамъ, собирающимся писать, «обивающимъ пороги редакцій», изо всѣхъ силъ одѣваться по послѣдней модѣ» и иронически утверждаетъ, что хорошій костюмъ и модный галстукъ могутъ поднять ихъ фонды. Наблюденія и сужденія Сивачева

чаще всего наивны и элементарны, а приговоры безпощадны. За шесть лѣтъ литературныхъ скитаній онъ пришелъ къ рѣшительному выводу, что всѣ интеллигенты, «за страшно рѣдкими исключеніями, банкроты духа».

«Отрицательное отношеніе къ интеллигенціи» единодушно и такъ сильно въ корреспондентахъ Горькаго, что онъ даже выступаетъ на ея защиту, чѣмъ вызываетъ нареканія. «Перемѣнились наши роли, товарищъ, — острить въ письмѣ къ нему одинъ рабочій: — когда-то я васъ упрекалъ за несправедливое отношеніе къ людямъ, стоящимъ во главѣ угла, а теперь вы же мнѣ нотаціи читаете. Что сей сонъ значитъ? . .»

Ставши защитникомъ интеллигенціи, авторъ «Дачниковъ» и «Дѣтей солнца» не оставилъ, однако, своей боевой, тенденціозной точки зрѣнія. Причину отчужденности между классами онъ ищетъ только въ интеллигенціи. По его мнѣнію, народъ ненавидитъ интеллигенцію за ея болѣзненность, нудность и истеричность. Интеллигента Горькій представляетъ себѣ неизбѣжно разслабленнымъ, ноющимъ, унижающимся, безличнымъ. Такихъ интеллигентовъ, которые не склонны къ самобичеванію, знаютъ цѣну жизни, не отрекаются отъ своего «званія» и умѣютъ защитить себя, онъ не встрѣчалъ . . . А они давно народились! Поискать причинъ «классовой» отчужденности и въ другомъ направленіи, присмотрѣться къ своимъ корреспондентамъ — «писателямъ изъ народа», Горькій не хочетъ.

Мысль о «безднѣ, о готовящемся «разрывѣ между культурными классами и массой» не нова. Еще недавно она была популярной среди кающихся ин-

теллигентовъ. Знаменательное совпаденіе... Но все же, — страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ! На кошмарную угрозу хочется отвѣтить простыми, искренними словами самого Горькаго: «Дурное отъ человѣка, а человѣкъ смертенъ, хорошее тоже отъ человѣка, но — оно никогда не умирало вмѣстѣ съ нимъ...»

Контрасты и «бездны» неизбѣжны въ странѣ съ такой молодой культурой и несчастливо сложившейся исторіей, какъ наша. Бездна отдѣляетъ народныя массы отъ культурныхъ классовъ... А развѣ не такая же, въ сущности, рѣзкая бездна раздѣляетъ малочисленнаго сознательнаго интеллигента отъ интеллигентнаго обывателя? Бездна и нескрываемая вражда, вражда «низшихъ» къ «высшимъ», вспыхивающая въ каждый серьезный общественный моментъ!

Какъ ни враждебно отношеніе «писателей изъ народа» къ интеллигенціи, все же это лишь преходящее настроеніе, обусловленное понятными причинами, а не органическая роковая черта нашей общественности.

„Рѣчь“, 1911 г.
